

А ВСЕ ГОВОРЯТ – ДУША...

Сто десять лет назад родился Фернандо Пессоа

Независимая газета, -1998, -20 июня, -с. 7

Ольга Тузова

«О ПИСАТЬ меня — дело простое», — сказал Алберто Казейро, один из созданных Фернандо Пессоа двойников-гетеронимов. На фотографии, запечатлевшей Пессоа на одной из улиц Лиссабона, мы видим вполне заурядного человека. Шляпа, очки, галстук-бабочка, черное пальто, до блеска начищенные ботинки. И правда — описать его несложно. От его фигуры тянет холодком — он менее всего похож на португальца, он совсем неуместен на этом жарком юге. За его спиной — просто улица, а хочется разглядеть незримые тени, созданные им жизни.

«Имеются две основные даты — рожденья моего и смерти. /Между этими датами все труды мои и все дни мои остальные», — сказал Алберто Казейро. Все труды его и все дни придумал Фернандо Пессоа 8 марта 1914 года, вызволив из небытия новую поэтическую личность. Три десятка стихотворений, написанных им в этот день, требовали нового голоса. Он открыл этот голос и назначил ему имя, обрастил датами, внешностью, чертами характера. Пессоа сочинил для него биографию. Но подлинная жизнь осталась не между датами рождения и смерти, а между первой и последней строчкой стихов. Жизнь поэта — как и должно быть — в его стихах.

Кажется, что живой и реальный Фернандо Антонио Ногейра Пессоа в своей частной, реальной жизни постоянно следовал этому принципу. Его биография небогата событиями. Ему было пять лет, когда умер от туберкулеза отец. Его отчим был назначен вице-консулом в Южную Африку, и около десяти лет Пессоа провел в Дурбане. Там он начал писать стихи — по-английски и по-французски. Семнадцатилетним юношей он вернулся на родину (один, на немецком корабле), чтобы никогда уже не покидать Лиссабона. Он пытался учиться в университете, устраивал типографию, которая тут же прогорела, бедствовал, служил переводчиком в каких-то коммерческих фирмах, изрядно пил. При жизни смог опубликовать совсем немного, в основном на английском языке. Последняя запись, как и первые стихи, тоже была сделана на английском.

Этот неудачник, всю жизнь относившийся к родному языку как к иностранному, оказался величайшим португальским поэтом нашего столетия. «Всякий, кто заслуживает славы, знает, что не стоит обладать ею», — как-то записал он в дневнике. Но слава не обошла его. Он сам предсказывал появление «сверх-Камюэнса» — и стал им.

Пессоа полагал, что в отсутствие литературы не остается иного выхода, как самому стать литературой. Он один воплотил в себе целую эпоху развития португальской литературы, перепробовал всевозможные жанры, разные языки, создал целую плеяду поэтов: от англоязычного юноши полугетеронима Александра Серча до знаменитой троицы: Алберто Казейро, Рикардо Рейс, Алваро де Кампос.

«Я извлек из лжеязычества Казейро скрытого там Рикардо Рейса, дал ему имя, подвел поэта к его собственному образу, потому что к этому времени уже видел его воочию. И тут внезапно во мне появилась новая личность, противоположная Рейсу. Сразу, не отлекаясь, я напечатал на машинке «Триумфальную оду» Алваро де Кампоса — так одновременно родились эта ода и этот поэт».

Алберто Казейро был его первым созданием. Автор буколических медитативных стихов, пристально вглядывающийся в окружающую его природу и в ней ищущий ответа на все вопросы, он родился в 1889 году в Лиссабоне (гласит его вымышленная биография), всю жизнь прожил в деревне, не имел ни профессии, ни образования, был среднего роста, бледен, белокур, голубоглаз, умер от туберкулеза в 1915 году.

Своим учителем называл Казейро Рикардо Рейс, но корни поэзии этого гетеронима — в античности. Он воспроизводит античные стихотворные формы, в его стихах фигурируют Лидии, Хлои и персонажи античной ми-

Портреты Пессоа.
Художник Алмада-Негрейрос

фологии. Цель его творчества — развитие и реализация горациевского призыва «carpe diem!». Он был врачом по профессии, эллинистом по призванию и монархистом по убеждениям, из-за чего и уехал в 1918 году в Бразилию. О смерти его ничего не сообщается, так что можно предположить, что он пережил своего создателя.

Учеником Казейро был и третий гетероним — Алваро де Кампос, отставной морской офицер, футурист и поклонник Уолта Уитмена.

Эти наиболее значительные и полноценные поэты-создания Пессоа (упомянем еще автора поэмы «За пределом других океанов» Козью Пашеко и прозаика Бернардо Соареса) совершенно не походят друг на друга

своим творческим методом. Но их родство глубоко и значительно.

Пессоа полагал, что поэт должен относиться к своему лирическому герою не как к рупору собственных идей, а как к герою драмы, полностью отделенному от авторского «я». Но художник не может быть полностью отделен от своего создания. Фернандо Пессоа — вот что роднит всех этих разных поэтов.

Фигуры гетеронимов несколько заслоняют Пессоа — автора «Кансьонейро». Но состоялись бы Алберто Казейро, Рикардо Рейс и Алваро де Кампос как поэты, не будь у них единого создателя? И стал бы Фернандо Пессоа выдающимся поэтом, если бы не создал двойников?

Свои поиски в области формы Пессоа щедро раздавал гетеронимам. Себе же он оставил иной жанр.

Сборник «Кансьонейро» составляют традиционные рифмованные стихи. Неприятельная песенная лирика — просто «...из тьмы/ Возникли, ничего не знача, звуки./ Как жизнь, как мы». В творчестве своих гетеронимов Пессоа был увлечен литературной игрой — в этих же коротких лирических стихах он говорит о том, что его тревожит и мучит. Автор «Кансьонейро» — тоскующая, одинокая душа — озабочен поисками своего места в мире и мира в себе. «О, жизнь ты моя пустая, — / Хоть кто я такой, скажи!» — восклицает он. Попытка понять себя, определить себя требовала отстранения от себя и спора с собой. Он внимательно прислушивался к своим другим «я» и для большей убедительности наделял их именами и индивидуальностями.

«Pessoa» по-португальски означает «человек, личность, особа». Быть может, это ощущение себя как человека и привело к тому пониманию задачи поэта, которое сформулировал Пессоа: «...Художник, который хочет выразить определенное чувство, должен извлечь из него то, что оно имеет общего с аналогичным чувством у других людей, а не личное, особенное, остающееся от этого чувства». Главную роль в художественном творчестве он отводил интеллекту. Интимное чувство с помощью интеллекта должно быть очищено от личного, стать абстрактным, универсальным, общечеловеческим, прежде чем превратиться в произведение искусства.

Печальная и трудная доля достается поэту. Это труд аскетический, самоотверженный — расстаться с тем, что только твое, и стать каждым. Не иметь своего лица, постоянно менять маски, быть всеми, за всех чувствовать, без отдыха и срока.

И так, остановки не зная
И голос рассудка глуша,
Игрушка кружит заводная,
А все говорят — душа.